

И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать —
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланины хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаешь коршунъ, гость незванный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ —
И умеръ. — Съ синими губами
И съ поблѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшный
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вънекъ игравъ серебряный
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракъ ночномъ...
То Ангель Смерти, смертью тѣнной
Онъ узъ земныхъ освобожденный!
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!..

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ — и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангель Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденъ — наказанъ
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть;
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизни имъ въ тѣнотѣ съ юныхъ лѣтъ...
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ же нѣтъ?..

Его неизбѣжной встрѣчи
Боиется каждый съ этихъ поръ;
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственные рѣчи;
Какъ мечъ — его пронзаетъ взоръ;
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его — проклятіе!..

1831—1832.

Аулъ Вастунджи.

Посвященіе.

1.

Тебѣ, Кавказъ, суровый паръ земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И оѣни вершинной бѣлоснѣжной
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ — твой, всегда и всюду твой!..

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, дѣтя, ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгъ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,

Въ степи, обросшей мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ, гремя, катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликались кругомъ..
Я понималъ ихъ звуки роковые;
И въ край надъ свѣтной бѣлою горой
Леталъ на колесницѣ громовой!..

4.

Моей души не понималъ міръ, — ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то, недоступныя уму,
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ... Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ.. Я — твой! Я всюду твой!..